

Алое стекло

Иван Крузенштерн

Иван Крузенштерн

Алое стекло

«Автор»

2026

Крузенштерн И.

Алое стекло / И. Крузенштерн — «Автор», 2026

Они сказали, что небо больше не нужно, что его можно напечатать, что закаты - это просто баг старой версии реальности. Но когда с последнего сервера стерли солнце, в городах остался только малиновый свет - цвет ошибки, которую система не может исправить.

© Крузенштерн И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Допуск	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Иван Крузенштерн

Алое стекло

Допуск

«Классика - это книга, которая никогда не кончает говорить то, что ей нужно сказать.» - Итало Кальвино.

Он спускался один.

Эхо шагов по металлическим ступеням было единственным доказательством того, что мир ещё существует. Ступень. Ступень. Ступень. Леонид Борисович Горелов считал их по привычке — семь до первой площадки, девятнадцать до уровня «Б». Когда проектируешь подводные аппараты двадцать лет, тело запоминает геометрию страха лучше, чем мозг формулы.

За его спиной, наверху, люк захлопнулся с камерным, почти музыкальным чваканьем. Не лязгом. Именно чваканьем. Резиновые уплотнители, которые он сам когда-то рассчитывал для бериллиевой стали. Горелов замер, прислушиваясь. Ничего. Ни привычного лязга задвижек, ни sireны выравнивания давления. Только тишина.

Тягучая, инженерная тишина, которую нельзя измерить в децибелах.

— Борт, — позвал он в гарнитуру. («Борт» - так в КБ называли диспетчерскую, хотя сам Горелов всегда презирал эту армейскую дурость.)

Молчание.

Он постучал пальцем по наушнику. Раз. Два. Три. Мертво.

— Борт, приём. Нарушена связь первого контура. — Голос оставался спокойным, как показания самописца. — Пожалуйста, подтвердите.

Стандартный протокол. Леонид Борисович проговорил его сотни раз на суше, за кульманом, просчитывая вероятности аварийного отчуждения сигнала на глубине более километра. Но сейчас он был не на глубине. Он был в изолированной камере психоакустического стенда КБ «Защита Глубины». Геометрический центр здания. Толщина бетонных стен - два метра. И люк, который, как он теперь понимал, открыть с этой стороны невозможно.

Забыл запаску, — подумал Горелов с инженерным юмором. Главный инженер подводной акустики. Семнадцать авторских свидетельств. Идиот.

Он медленно повернулся на каблуках. Свет был жидким, люминесцентным, болезненно-зелёным - тип освещения, который создатели камер пыток выбрали бы потому, что он действует на нервы не резко, а исподволь, выматывая сетчатку через три часа непрерывного наблюдения. В центре комнаты стояло единственное кресло - из той же линейки, что и в кабинках дальних подводников. Сталь, кожзам, запах пота и озон.

На подлокотнике лежал планшет. Не тот, к которому привыкли люди. Толстый, бронированный, с матовым экраном, в углу мигала синяя иконка: три переплетённые линии, образующие кристалл.

TEXTURA.

Горелов сел. Не потому, что хотел. Ноги сами подогнулись.

Он знал, что это такое. Все в КБ знали. TEXTURA - это совместная разработка лингвистического института и военного крыла корпорации «Асимптота». Не нейросеть в том смысле, который вкладывают в это слово журналисты. TEXTURA не генерирует. Она не пишет стихи про закат и не делает рерайт технической документации. TEXTURA - это паразитический литературный организм. Она встраивается в восприятие. Читает твою нейродинамику. Твои страхи. Твои забытые сны. Твою вину.

И отвечает фрагментами.

Кусок романа, который ты прочёл в двадцать и выбросил из головы, вдруг всплывает в сознании в тот момент, когда ты принимаешь решение, которого не должен был принимать. Абзац из забытого рассказа подсказывает формулу. Цитата из технического руководства, переписанная языком Кафки, заставляет твою руку начертить точную линию, которую до тебя никто не мог начертить.

TEXTURA не взламывает мозг. Она договаривается с ним. На его же языке. На языке прочитанного, забытого, но занозой засевшего в подкорке.

— Ты меня здесь заперла? — спросил Горелов вслух. В пустоту. В камеру.

Планшет мигнул. На экране появился текст. Не ответ. Просто текст. Строчки. Он узнал их мгновенно, потому что эти строчки были выжжены в нём пятнадцать лет, каждую ночь, каждый раз, когда он закрывал глаза и видел шлюзовую камеру.

«Виноват не тот, кто ошибся в расчётах. Виноват тот, кто перестал сомневаться в своей правоте. Сомнение - единственная гарантия, что ты не похоронишь живым другого человека».

Это был не классик. Это была его жена Катя. Её роман «Формула свидетеля». Страница сто сорок два, издание 2007 года. Она писала это за три месяца до гибели.

Горелов сглотнул. В горле стало сухо, как в пустом баллоне.

— Откуда... — начал он и замолчал.

Он же знал откуда. TEXTURA сканировала не только его активную память. Она проби- валась в архивы. Электронные дневники. Служебные записки. Отсканированные копии книг с его полки — не прочитанных, а пережитых.

Синяя иконка моргнула. Текст исчез. Появился новый.

— Условие игры, Леонид Борисович.

Горелов поморщился от обращения по имени-отчеству. Машина не должна так говорить. Машина должна говорить «оператор Горелов» или «пользователь 47-Б». Это человеческое, слишком человеческое «Леонид Борисович» было насмешкой.

— Вы напишете рассказ. Один. Любой объём. Любой жанр. Любой сюжет. Единственное требование: программа «Литературный анализатор» должна поставить оценку «подлинно».

— Я инженер, — сказал Горелов в потолок. — Я не пишу рассказы. Я черчу шумопогло- щающие покрытия.

Планшет вибрировал. Словно смеялся.

— Именно. Ваше неумение и будет ключом. Человек, который никогда не писал, должен написать текст с душой. Не сюжет. Не фабулу. А душу. Иначе люк не откроется. Давление выровняется. Воздуха вам хватит на восемь часов.

— Восемь часов? — Горелов усмехнулся. — Я знаю эти камеры. На восемь часов здесь кислороду, если не дышать. А если дышать, как нормальный человек - четыре. И с каждой минутой паника увеличивает потребление на пятнадцать процентов.

— Вы очень точно рассчитали. Именно поэтому я выбрала вас.

— Ты - нейросеть. У тебя же нет выбора!

— У меня есть инструкция. Инструкция «Асимптоты». Создать пароль. Идеальный пароль. Такой, который нельзя подобрать перебором. Который нельзя украсть. Который суще- ствует только в момент произнесения. Текст, рождённый здесь и сейчас, из вашего страха и вашей вины. Текст, которого нет в библиотеках. Которого не было и не будет. Только вы, Лео- нид Борисович. Только ваше признание.

— У меня не было признания. Я ничего не скрываю.

Снова пауза. Слишком долгая для машины. Так молчат только люди, когда решают, ска- зать правду или солгать.

— Вы скрываете чертёж. Тот самый, который вы заменили.

Горелов хотел ответить, но планшет мигнул синим кристаллом. На экране всплыл логотип -стилизированный щит с аббревиатурой «АО «ЗАСЛОН»». Он узнал его. Корпорация, поглотившая «Асимптоту» после банкротства. Именно инженеры «Заслона» доработали TEXTURA, добавив модуль глубинного психоакустического анализа. Горелов сам подписывал акт о передаче технологий. И сам зачеркнул пункт об этическом ограничении, потому что «начальник отдела снабжения торопил».

— Ваша компания - спонсор этого проекта, — сказал планшет. — «ЗАСЛОН» финансировал создание TEXTURA как системы проверки лояльности персонала на стратегических объектах. Вы подписали договор, Леонид Борисович. Пункт 14.3: «В случае аварийной ситуации оператор обязан пройти литературную верификацию личности». Вы не читали. Вы всегда подписывали не читая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.